

Гиппиус Алексей Алексеевич
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Россия, г. Москва

Гюрята Рогович и его роль в русской эсхатологии (к интерпретации летописной статьи 6604 г.)

Статья 6604 (1096) г. «Повести временных лет» (ПВЛ) принадлежит к числу тех узловых фрагментов текста, которые, собирая в себе, как в фокусе, спорные проблемы истории начального летописания, становятся полем испытания различных концепций этой истории. Новым свидетельством неугасающего исследовательского интереса к данному повествованию стали опубликованная в IX томе киевского альманаха «Ruthenica» статья И. Н. Данилевского [Данилевский 2010: 7–17] и отклик на нее в виде заметки А. П. Толочко [Толочко 2011: 224–227], помещенной в следующем выпуске издания. Смысл этих публикаций, если резюмировать его одной фразой, состоит в окончательном опровержении попытки А. А. Шахматова использовать слова летописца о слышанном им «преже сихъ 4 лѣтъ» рассказе новгородца Гюряты Роговича для обоснования гипотезы о «3-й редакции» ПВЛ 1117/1118 гг. Оба автора уверены в том, что в обсуждении вопроса о значении этого хронологического указания можно ставить точку, а на трактовке его А. А. Шахматовым — жирный крест.

Цель настоящей работы — показать, что эта уверенность преждевременна и базируется на ряде ошибочных положений, меж тем как шахматовская трактовка знаменитой фразы сохраняет свою объяснительную силу в рамках современного представления о редакции 1117 г.

Прежде, чем обратиться непосредственно к дискуссионному пассажи, бросим взгляд на общую композицию статьи, точнее, ее центральной части, содержащей рассказ о набеге половцев на Киево-Печерский монастырь и комментарии к нему. Эта часть статьи отчетливо распадается на три фрагмента: **А)** собственно рассказ о нападении на монастырь (до слов: «безбожнии сынове Измаилеви пущени на казнь хрестьяномъ»); **В)** этно-генеалогический экскурс о происхождении половцев (до слов: «И по сихъ 8 коленъ к кончине вѣка изидуть заклепении в горе Александром Макидонскимъ нечистыя челоуѣкъ»); **С)** изложение беседы летописца с Гюрятой Роговичем о заточенном в горе «на полунощныхъ странахъ» диком народе.

Общеизвестно, что во фрагментах **В** и **С** летопись использовала

апокрифическое *Откровение* Мефодия Патарского. В меньшей степени отрефлексирован в научной литературе тот факт, что *Откровение* послужило источником и для фрагмента А. Понятно, что именно к нему восходит само именование половцев «сынами Измаиловыми». Но не только оно. Объединив описание набега половцев на Печерскую обитель с описанием половецкого нашествия 1093 г. (для чего литературная однородность этих текстов дает все основания), можно указать целый ряд моментов, в которых летописный текст обнаруживает зависимость от *Откровения*. Эта зависимость проявляется не в прямой цитации (что особенно заметно на фоне обильного цитирования в тех же статьях Священного писания)¹, но в общей аранжировке рассказа и комментария, использующих ряд мотивов, заимствованных из описания нашествия измаильтян у Псевдо-Мефодия. Это и описание опустевших городов и разоренной земли, и образ скорбного пути, которым идут пленники, и мысль о том, что Бог навел на землю язычников не из любви к ним, но за грехи живущих на земле, и трактовка нашествия как испытания, которому Бог подвергает верных, как «огня искушения», призванного «отделить избранных».

Откровение Мефодия Патарского первый перевод, Берлинский сборник XIV в.	ПВЛ , Ипатьевская летопись [ПСРЛ. Т. 2 1908: 213–214]
И прѣдана бѣде(т) земѣ перскаа въ тлѣ и въ пагоубѣ, и живѣще на ней въ плѣнѣ ведѣни бѣ(д)тѣ и исѣчени [Берлински сборник 2008: 310–311].	ови ведутся полоненѣ, а друзии посѣкаемы бывають (1093)
И наре(ч)т сѧ пѣтъ ихъ пѣтъ печаль, поидѣтъ по нему старца и старицѣ, богат-и ѹбозы, альчни и жѣж(д)ни извазано [Берлински сборник 2008: 314].	Половѣ же, приемѣше градъ, запалиша огнемъ, и люди разделиша и ведоша я у вежѣ к сердоболямъ своимъ и сродникомъ своимъ; мучими зимою и оцѣпляемѣ, у альчбѣ и в жажѣ и в бѣдѣ, побледѣвши лица и почернивше телеса, незнаемою страною, языкомъ испаленомъ, нази ходяще и босѣ, ноги имуще избодены тернемъ (1093).
и посѣчена бѣ(д)тѣ дрѣвеса лѣжнаа неплодиемъ, и доброта горъ погыбнетъ, и гради ѡпоустѣжѣтъ, и бѣдетъ земѣ непроходна запоустѣниемъ ѡ члѣвѣ [Берлински сборник 2008: 315].	И градъ вси опустѣша, и переидѣмъ поля, идѣже пасома быша стада: конѣ, овцѣ и волове, се все тѣе нынѣ видим, нивы порожьше (в др. поростѣше) стѣять, звѣремъ жилище быша (1093)

¹ Анализ этих цитат см. в работах: [Дорошенко 2007: 370–382, Лаушкин 2013: 76–86].

а си ходити начноуть оутворишесе акы зетие и хвалити са начнѣтъ глѣще. погыбоше кр(с)тиѣне ѿ рѣкъ нашихъ [Берлински сборник 2008: 321]	тѣмже и глаголаху: «Гдѣ есть Богъ ихъ, да поможетъ имъ и избавить я от насъ?» И ина словеса хулная глаголаху на святыя иконы, насмѣхающеся (1096)
Ре(ч) бо Гѣкъ Излю: ви(д)ши, не любве твоѣ ради въвож(д)ѣ та на землѣ общаниѣ прѣбѣи ж, нѣ грѣ(х) ради живѣщихъ на ней тако имъ створѣ. Також(д)е и сномъ Измаиловомъ ре(ч): <u>не любѣ бо ихъ да(с) имъ силѣ</u> , да прѣимѣтъ кр(с)тиѣнскѣ землѣ, <u>нѣ грѣ(х) ради и безаконей многихъ</u> [Берлински сборник 2008: 309].	Се на ны Богъ пусти поганя, <u>не милуя их, но насъ казня</u> , да быхом ся востыгнули от злыхъ дѣлъ (1093).
Чесо дѣла же прозритъ Бѣвѣрныхъ людеи подѣжти толикѣ печаль? Не дали са ѿлжчатъ вѣрны и невѣрныи и ѿлжчатъ са плевѣль ѿ ныхъ? Занеже ѿгнь искушение врѣ(м) то, и трѣпитъ Гѣ праведны(х) ради и невѣрны(х), да са ѿлжчатъ избрании.	Богъ казнить рабы своя напастыми и ратыми, да явятся яко злато искушено у горьнилѣ... (1096)

Рассмотренные по отдельности, эти элементы, возможно, не дали бы надежного основания предполагать использование «Откровения» в качестве литературного образца. Но, располагая «тематическим ключом» в виде сочетания «сынове Измаилеви» в конце фрагмента, мы можем смело трактовать их именно таким образом.

На переходе к фрагменту **В** характер изложения резко меняется. Оттолкнувшись от последней фразы фрагмента **А**, летописец дает справку о происхождении половцев, теперь уже прямо апеллируя к Мефодию Патарскому как авторитетному источнику по этнической генеалогии¹. Эмоциональную, проникнутую пророческим воодушевлением речь проповедника сменяет деловитый «академический» дискурс с полемическими выпадами в сторону оппонентов, видящих в половцах «сынов Амоновых». Характер ученой справки имеет и указание на то, что по выходе из пустыни восьми колен измалыян, «к кончине века», имеет явиться и нечистый народ, заточенный в горе Александром Македонским.

Упоминание «нечистых человеков» дает почву для еще одного экскурса, выдержанного, однако, в совершенно ином ключе: следует занимательное изложение беседы летописца с Гюрятой Роговичем, в которой текст «Откровения» используется иначе, чем в первом и вто-

¹ Специально об этом экскурсе см.: [Карпов 1994: 7–26, Ведюшкина 2000: 53–58].

ром фрагментах — в виде обширной выдержки из него.

Таким образом, в трех смежных фрагментах статьи 1096 г. мы встречаемся с тремя разными риторическими стратегиями, и одновременно — разными формами привлечения одного и того же источника.

Эта литературная гетерогенность сама по себе ничего не говорит об истории текста — смена повествовательного модуса вполне может происходить и под пером одного и того же книжника, что и предполагают многие писавшие на эту тему.

На присутствии в статье 1096 г. разновременных напластований настаивал, как известно, А. А. Шахматов. Согласно его концепции, фрагменты **А** и **В** читались в Сильвестровской редакции ПВЛ, тогда как фрагмент **С** появился в той редакции, которую Шахматов сначала называл «второй», а позже «третьей», датируя ее 1117 или 1118 г. Основания для текстологического противопоставления этих фрагментов Шахматов видел, во-первых, в смысловых противоречиях между ними, и, во-вторых, в выражении «преже сих 4 лѣтъ», которое понимал как «четыре года назад», по отношению ко времени работы летописца. Считая, что беседа с Гюрятой имела место в 1114 г., во время поездки летописца в Ладогу, и отсчитывая 4 года от этой даты, Шахматов получал 1118 г., которым и датировал составление «третьей редакции» [Шахматов 2003].

Что касается противоречий между двумя фрагментами, то их, как мы увидим ниже, в действительности нет. С фразой про «четыре лета» дело обстоит значительно сложнее. Трактровка ее Шахматовым много раз критиковалась, как и гипотеза «третьей редакции» в целом. После работ В. М. Истрина [Истрин 1923: 45–102, Истрин 1924: 207–251], Л. Мюллера [Müller 1967: 171–186], О. В. Творогова [Творогов 1997: 203–209] и А. Тимберлейка [Timberlake 2000: 219–238] это построение казалось к началу XXI в. окончательно отвергнутым текстологией начального летописания. Установившийся было негативный консенсус нарушила наша работа 2007 г. [Гиппиус 2007: 20–44, Гиппиус 2008: 3–24], в которой было показано, что

1) центральный аргумент против шахматовской гипотезы — присутствие так называемой «ладожской» версии рассказа о Рюрике не только в Ипатьевской, но и в Радзивилловской летописи — исходил из упрощенного понимания структуры рукописной традиции ПВЛ, не учитывавшего контаминированного характера радзивилловского текста;

2) идея «постсильвестровской» редакции 1117 г., адаптирован-

ная к современной трактовке соотношения ПВЛ и Начального свода¹, освобождается от противоречий, присущих гипотезе Шахматова в ее оригинальном виде, и сохраняет объяснительную силу.

Представленная в нашей работе аргументация до сих пор не встретила системных возражений и заставила одного из наиболее последовательных критиков Шахматова, Л. Мюллера, изменить свою точку зрения. В своей последней прижизненно опубликованной работе Л. Мюллер согласился с тем, что редакция ПВЛ 1117 г. существовала [Müller 2008: 86–99].

Между тем, критика шахматовского построения в его оригинальной форме далеко не сошла на нет. Именно это направление представляет уже упомянутая статья И. Н. Данилевского с красноречивым названием «“Сии 4 лета”: когда они наступили?». Работа Данилевского, по оценке А. П. Толочко, «не только подводит итог столетней дискуссии вокруг этого предложения, но и предлагает совершенно удовлетворительную разгадку смысла сказанного автором Повести» [Толочко 2011: 219]. Посмотрим, в чем заключается эта разгадка, проследив за ходом рассуждения современного оппонента А. А. Шахматова.

Присоединяясь к скептикам, считающим неубедительным предложенное Шахматовым толкование знаменитой фразы, И. Н. Данилевский отмечает, что принятие этого толкования порождает неустранимое противоречие, сознававшееся сами Шахматовым:

«В обоих отрывках [“первый, сообщающий о приходе половцев, торков, печенегов и торкменов, и второй, сообщающий о приходе других полунощных народов”] повторяются одинаковые фразы, доказывающие пользование Откровением Мефодия Патарского, но в первом отрывке народы, “заклепанные” Александром Македонским, представлены уже вышедшими из заточения, это — торкмены, печенеги, торки и половцы, между тем, как во втором отрывке югра рассказывает о каком-то народе, заточенном в горах, откуда он не может высвободиться, — этот народ и отождествляется с “заклепанными” Александром Македонским народами, но они еще не высвободились из заточения» [Шахматов 2003: 510].

По мысли И. Н. Данилевского,

«[п]ри отказе [...] от признания точкой отсчета 4-х лет от

¹ Под современной трактовкой этой проблемы мы понимаем восходящую к М. Х. Алешковскому и развитую нами и А. Тимберлейком идею, согласно которой в основу составленной в 1013–1016 гг. ПВЛ лег Киево-Печерский свод начала 1090-х гг. вместе с продолжившей его погодной летописью (см.: [Алешковский 1971, Гиппиус 1997: 50-51, Timberlake 2000]).

1117/1118 (или от 1096) г. отмеченное А. А. Шахматовым “противоречие” исчезает само собой: рассказ Гюряты Роговича объясняет теперь летописцу, что народы, пришедшие на Русь, и есть те самые “нечистые человеѣки”, о которых ему рассказывал отрок, вернувшийся от югры, и о которых предупреждал Мефодий Патарский. Другими словами, предсказание о пришествии “человеѣков”, “заклепанных” Александром Македонским, свершилось. Остается только ждать конца света, поскольку, согласно Откровению Мефодия Патарского, они вырвутся из заточения “въ послѣдняя же дѣни на скончание мира — и от лица их смятутся человеѣцы и начнутъ бѣгати и крытися в горах и в пещерах...”» [Данилевский 2010: 13].

Подтверждение своей мысли И. Н. Данилевский находит в конце сокращенной нами цитаты:

«и истлять землю и осквернять ю, и не будет терпящаго на неи прорекуть вси людие въ 3 лета [выделено мною — *И. Д.*] да иж и до Иеросалима, и послеть Господь Богъ архистратига своего Михаила и посечеть их нощию на оудоли Асафатове» [ibid.: 13].

«Собственно, в этом и кроется смысл “этих четырех лет”», — заключает Данилевский, очевидно, имея в виду трехлетний срок, отведенный цитируемым источником на владычество Гога и Магога. Этот срок играет в рассуждении исследователя чрезвычайно важную роль, сопоставляясь с двумя другими трехлетними периодами. Это: 1) три с половиной года, которые освободившийся Сатана, согласно *Раздрешению неизреченнаго откровения*, приписываемому Ипполиту Римскому, будет прельщать мир, и 2) те три года, о которых югорцы говорили Гюряте Роговичу: «Дивно находимъ мы чюдо ново, егоже нѣсмы слыхали преже сихъ лѣтъ, се же нынѣ третье лѣто поча быти».

Это «третье лето, — пишет Данилевский, — явно входит в общий срок, прошедший с момента, когда летописец услышал рассказ Гюряты, и не должно плюсоваться к нему» <...> «Предсказание о «нечистых человеках» летописец слышал от Гюряты четыре года назад — и вот уже третье лето, как предсказания начинают сбываться...» [ibid.: 17].

«Сии 4 лѣта», совмещающие в себе перечисленные сроки и обнимающие период с 6601 по 6604 г., понимаются исследователем как время, предшествующее концу света, чем, по его мнению, объясняется и насыщенность этого периода, каким его рисует летопись, разного рода дурными предзнаменованиями. Как заключает И. Н. Данилевский, «[в] таком контексте упоминание “сих 4 лет” в пересказе разговора летописца с Гюрятой Роговичем практически полностью утрачивает значе-

ние аргумента, который может использоваться при установлении даты создания очередной редакции Повести временных лет, зато приобретает вполне ясный эсхатологический смысл, еще раз подтверждая гипотезу об общей ориентации древнерусского летописания на “последние времена”» [ibid.: 15–16].

Такова общая схема рассуждения И. Н. Данилевского. Прокомментируем теперь его отдельные составляющие.

Не подлежит сомнению, что указанное Шахматовым противоречие между двумя фрагментами с упоминанием народа, заточенного в горе Александром Македонским, в действительности — мнимое. На самом деле в первом фрагменте, как и во втором, этот народ не отождествляется с вышедшими из пустыни измаильтянами, но противопоставляется им. Аналогичным образом, идентифицируемых с измаильтянами половцев, чье нашествие есть уже свершившийся факт, летописец никоим образом не отождествляет с «заклепанным» народом из рассказа Гюряты¹.

Трудно сказать, что вызвало ошибку Шахматова. Удивительно однако, что именно это ошибочное положение как раз и разделяет И. Н. Данилевский, утверждая, что для летописца «народы, пришедшие на Русь, и есть те самые “нечистые челоѡьки”, о которых ему рассказывал отрок, вернувшийся от югры». Впрочем, здесь же выясняется, что «остается только ждать конца света», когда «они вырвутся из заточения». Значит, «заклепанные» народы еще не вырвались из заточения? Тогда в чем же заключается их «пришествие на Русь»? Если Шахматов просто ошибся, констатировав несуществующее противоречие в источнике, то утверждения И. Н. Данилевского противоречивы сами по себе.

Говоря, что нашествие «нечистых народов» продлится, по «Откровению» Мефодия Патарского, три года, И. Н. Данилевский, по видимому, не отдает себе отчета в том, что текст памятника цитируется им по так называемой интерполированной редакции, один из списков которой воспроизведен в использованной публикации В. В. Милькова. Хотя датировка этой редакции остается дискуссионной, совершенно ясно, что в ПВЛ была использована не она, а один из древних переводов «Откровения». Это принципиально важно, поскольку трехлетний срок нашествия Гога и Магога упоминается только в интерполированной редакции; в древнейшем же («первом», по В. М. Истрину) переводе избиение архангелом «нечистых народов» происходит «по недѣлных же лѣтъхъ» (во «втором» переводе: «по

¹ О значимости противопоставления этих двух фаз апокалиптических нашествий см.: [Гарькавый 1998: 87–89].

седмориѣмъ времени», греч.: μετὰ οὖν ἑβδομάδων χρόνων) [Истрин 1897: 44, 97 (вторая пагинация)]¹.

Странным парадоксом выглядят слова И. Н. Данилевского о том, что три года, на протяжении которых югра, по ее словам, наблюдала удивительное явление, входят в четыре года, прошедшие с момента разговора летописца с Гюрятой. Это утверждение сделано в полемике с точкой зрения А. Ю. Карпова, также предполагающим эсхатологический смысл обоих сроков, однако совершенно иной:

«Не исключено, — пишет А. Ю. Карпов, — что и указание на “третье лето”, в течение которого Югре является зловещее знамение, также несет эсхатологическую нагрузку. Летописец подчеркивает, что слышал рассказ Гюряты “преже сих 4 лет”; значит, со времени начала расшатывания “северных врат” прошло уже 7 лет — а ведь, согласно “Откровению” Мефодия Патарского и “Сказанию” Ипполита Римского, мир “седморичен”: и торжество измаильтян, и их поражение в войне с “греческим царем”, и власть над миром Гога и Магога, и царствование антихриста должны продлиться кратное семи число лет или ровно семь лет» [Карпов 2002: 11].

Совершенно очевидно, что в оценке соотношения двух сроков прав А. Ю. Карпов, а не И. Н. Данилевский. И дело даже не в том, что время Псевдо-Мефодия действительно «седморично», но в том, что летописный текст в данном месте не содержит и тени двусмысленности: югорцы наблюдали шум в горе третий год к моменту, когда рассказывали об этом отроку Гюряты; разговор же Гюряты с летописцем, явно имевший место после поездки отрока, состоялся за четыре года до момента, являющегося точкой отсчета (где бы ни полагать эту точку отсчета — в 1096 или 1117 г.) Никакой иной возможности, кроме как «плюсовать» один срок к другому, летопись не дает — если только не считать что ее время течет в обратную сторону.

Что же касается «сихъ 4 лѣтъ», в которых И. Н. Данилевский видит особое, эсхатологически отмеченное время, вынося данное сочетание в название своей статьи, то в тексте это атрибутивное слово-

¹ А. П. Толочко, развивая ошибку И. Н. Данилевского, пишет: «Согласно Мефодию, выйдя из заточения, “нечистые” народы будут бесчинствовать в течение трех лет, после чего – в четвертое лето – наступит конец света. Весьма сходное толкование имеется и у Ипполита Римского, указывающего на “три с половиной года”» [Толочко 2011: 225]. В действительности в интерполированной редакции «Откровения» трехлетнее нашествие «нечистых» народов выступает лишь как одна из фаз, предшествующих концу света, что не дает никаких оснований отождествлять этот период с теми тремя с половиной годами, о которых идет речь у Псевдо-Ипполита. Совмещение этих эсхатологических сроков происходит лишь в воображении исследователей.

словосочетание как таковое отсутствует. Как видно из материала, приведенного в 8-м томе «Словаря древнерусского языка XI–XIV вв.» (статья «преже»), конструкция «преже сихъ 4 лѣтъ» представляет собой контаминацию двух генитивных конструкций: «преже сихъ» ‘до этого’ и «преже 4 лѣтъ» ‘за четыре года’ [СДРЯ XI–XIV 8: 136]. Точная параллель к рассматриваемому обороту, обнаруживаемая в «Житии Феодосия Печерского» — «преже сихъ .ѿ. лѣт. видѣхомы и въ нашемъ градѣ ходаща» — означает всего лишь ‘четыре года назад’¹, то есть имеет в точности то же значение, какое приписывал А. А. Шахматов летописному выражению.

Как видим, построение И. Н. Данилевского, заставляющее, по мнению автора, окончательно оставить шахматовское понимание знаменитой фразы, и — не по этой ли причине? — воспринятое А. П. Толочко как «совершенно удовлетворительное» решение вопроса, оказывается на поверку сотканным из противоречий, недосмотров и прямых ошибок.

Сказанное не означает, разумеется, что мы считаем несостоятельной саму попытку прочтения спорного хронологического указания в эсхатологическом ключе. Эксплицитный эсхатологизм рассказа Гюряты в принципе оправдывает поиск отражений того же умонастроения в отдельных элементах повествования. Весьма важным в этом отношении представляется уже приведенная мысль А. Ю. Карпова о возможной эсхатологической нагруженности сочетания трех- и четырехлетнего сроков, дающих в совокупности семь лет. Семантическую однородность этих временных указаний

¹ А не ‘за четыре года до этого’, как переводит А. П. Толочко, считая, что в летописи отсчет идет от даты (1096), под которой записан рассказ Гюряты [Толочко 2011: 226]. Исследователь ссылается также на близкое сочетание, приведенное в словаре Ф. Миклошича из сербского Патерика XIV в.: «преже сихъ четырехъ дньехъ» [Miklosich 1972: 728]. Благодаря любезности Й. Райнхарда, проверившего данное место по рукописи (Vindob. slav. № 42), мы можем привести цитату более полно: «и въ другый (днь) расточїи иманїе свое оубогымъ. и въ третїи изыде съ мною въ поустьяню. и прѣбысть съ мною .ѿ. лѣта въ съвршенѣмъ послушанїи, и нїѣ о ѿи сконча се прѣжде сихъ четырехъ дньехъ» (л. 108 об., а 8–9). По сообщению Й. Райнхарда, в другом списке того же текста, читаемом в рукописи Зографского монастыря № 80, представлен вариант, структурно идентичный летописному: «прѣжде сихъ четырехъ днїи» [Николова 1980]. Как видим, и здесь, как и в Житии Феодосия, формула ориентирована на момент речи рассказчика: ‘скончался четыре дня назад’. Это не означает, конечно, что *сихъ* в данной конструкции не может относиться ко времени описываемых событий — теоретически, такая возможность имеется. Мы констатируем лишь, что обе до сих пор выявленных точных параллели к летописному обороту имеют то значение, какое предполагал за ним А. А. Шахматов. Между тем, параллель из статьи 1169/6678 Лаврентьевской летописи, приведенная А. П. Толочко («слышахо^м бо прѣж трии лѣ^т бывшею знаменю Новѣгородѣ»), не содержит местоимения *сихъ*, что делает ее неполной. С другой стороны, сочетание *преже трии лѣтъ* относится здесь, скорее, не к *слышахомъ*, а к причастию *бывшее* (‘мы слышали о чуде, бывшем за три года до этого в Новгороде’).

подчеркивает параллелизм оформления, ср.: «яже слышахъ преже сихъ 4 лѣтъ» и «егоже нѣсмы слыхали преже сихъ лѣтъ, се же нынѣ третье лѣто поча быти». Похоже, что для летописца было действительно важно донести до читателя мысль, что с момента начала «расшатывания врат» нечистыми народами прошло почти семь лет.

Откуда же следует отсчитывать эти семь лет? При выборе в качестве точки отсчета 1096 г., искомый момент приходится на ничем в интересующем нас плане не примечательный 1190 (6598) г. Преждевременной выглядит при этом и готовность Гога и Магога вырваться на просторы ойкумены еще до того, как вступило в свою кульминационную фазу нашествие «измаильтян».

Совсем иной результат дает отсчет от 1117 г. Годом начала семилетней активности заключенного в горе народа оказывается в таком случае 1111 — год победоносного похода русских князей на половцев, представленного в ПВЛ как великая победа христиан над «погаными». В композиции «Откровения» эта победа находит очевидный «прототип» в виде победы анонимного «греческого царя» над измаильтянами. За ней, согласно Псевдо-Мефодию, должен наступить период абсолютного благоденствия и мира, чреватого, однако, финальной катастрофой:

«И бжде(т) на земли тихость велика, ꙗко же нѣ(с) была николиже, ни бждеть потом, ꙗко последнаѧ е(с) година 8же и на конецъ вѣка. И бждеть на земи веселие велие и жити начнѣ(т) члвѣци миромъ, и начнѣ(т) творити градовыи, и 8празнет сѧ попове Ѡ бѣдѣ своихъ. И то е(с) миръ, еже ре(ч) ап(с)ль Павелъ проповѣда гл҃а: ег(д)а рекѣ(т) миръ тврдѣ, тогда внезапѣ нападет на нѧ пагоуба и погыбѣль. ꙗко же и Гѣ в еу(г)ли ре(ч): ꙗко же въ дни Ноевы бѣхѣ члвѣци ꙗджще и пижще и посагажще, тако бждеть въ послѣдни днѣ. Въ тыж 8бо днѣ бж(д)тъ члвѣци живѣще миромъ на земи, и не бжде(т) на срѣци имъ страха ни Ѡ когоже ни печали. Тогда 8бо Ѡвръзѣт сѧ сѣверскаѧ врата, и изыдетъ сила жзыкѣ, иже бѣхѣ заключени въ внѣтрѣней пѣстыни, и подвижит сѧ земѣ Ѡ лица ихъ...» [Берлински сборник 2008: 323].

В полном соответствии с этой схемой, семилетнее «расшатывание врат» происходит — если принять точку зрения Шахматова — не на фоне «лихих 1090-х», но напротив, в период затишья, принесенного победой 1111 г. Именно поэтому в изображении летописца оно выглядит особенно зловеще, встраиваясь в апокалиптическую перспективу «Откровения»¹.

¹ Видя в победе над половцами точку отсчета эсхатологической «седмицы», истекавшей в год создания редакции 1117 г., невозможно пройти мимо того обстоятельства, что в

Как видим, прочтение в эсхатологическом ключе хронологических указаний, содержащихся в изложении летописцем его беседы с Гюрятой Роговичем, не только не опровергает шахматовской трактовки эпизода, но напротив, отлично согласуется с нею.

Отвлекаясь от эсхатологии, хотелось бы обратить внимание на еще одно обстоятельство, также, косвенным образом, подтверждающее идею Шахматова. Гюрята Рогович, отправивший отрока за югорской данью, давно и с полным основанием отождествляется с посадником Гюрятой, известным по летописным спискам новгородских магистратов. Имя Гюряты стоит в этих списках десятым и принадлежит к группе имен, лишенной точных хронологических привязок и ограниченной именами Остромира, погибшего в 1057 г., и Добрыни, умершего в 1117. В эту группу входят восемь имен: Завид, Петрята, Костянтин, Миронег, Сава, Улеб, Гюрята, Микула [Новгородская первая летопись 1950: 164]. В литературе обсуждались два варианта распределения сроков посадничества названных лиц в указанном хронологическом интервале. Согласно первому, Завид занял свой пост вскоре после Остромира, его сменил Петрята и т. д. [Молчанов 1974: 81–87]. Согласно второй гипотезе, обоснованной В. Л. Яниным, Завид был посадником при юном Мстиславе Владимировиче в конце 1080-х — начале 1090-г. [Янин 2003: 84–87]. В таком случае он и его преемники до Добрыни включительно находились на посадничестве в общей сложности около тридцати лет, а не около шестидесяти, что предполагает первая гипотеза.

Большинство исследователей в настоящее время отдают предпочтение второй возможности [Дубровин 2007: 45–59]. Выбор же ее автоматически означает, что Гюрята, седьмой в списке после Завида, никак не мог быть посадником в начале 1090-х гг.; посадничество же его в 1113 г. (когда, согласно нашим выкладкам, отрок Гюряты ездил в Югру за данью) оказывается, напротив, вполне вероятным.

В заключение вернемся к общей композиции статьи 6604 г., с которой мы начали свой анализ. В ней, как мы видели, выделяются три участка (**А**, **В**, **С**), в литературном отношении существенно

интерполированной редакции «Откровения Мефодия Патарского» легендарный греческий царь, полагающий конец владычеству измаильтян, носит имя Михаил. Именно так, как известно, звали в крещении Святополка Изяславича, предводительствовавшего русскими войсками в походе 1111 г. Хотя в древнем переводе «Откровения», использованном в ПВЛ, это имя, скорее всего, отсутствовало, оно представлено в цикле болгарских историко-апокалиптических сочинений XI в. («Видении Даниила», «Толковании Даниила», «Сказании Исаяи пророка») и, в принципе, вполне могло быть известно и на Руси (см. [Тыпкова-Заимова, Милтенова 1986: 66–68]). О роли эсхатологических ассоциаций в восприятии на Руси фигуры Михаила-Святополка Изяславича см. также: [Котышев 2012: 47–51].

отличных один от другого. Как я пытался показать, фрагмент С есть все основания, вслед за Шахматовым, считать дополнением редакции 1117 г. Что же касается первых двух, то они, на наш взгляд, могут и должны быть соотнесены с двумя предшествующими этапами складывания Начальной летописи, а именно: фрагмент А (описание половецкого набега на Печерский монастырь) принадлежит погодной Киево-Печерской летописи, которой был продолжен созданный в начале 1090-х гг. Начальный свод, а фрагмент В, содержащий экскурс о происхождении половцев, был написан составителем основной редакции ПВЛ, работавшим между 1113 и 1116 гг.

К такой стратификации подталкивает не только литературная разнородность двух фрагментов, но и стилевые и содержательные связи каждого из них с другими текстами в составе ПВЛ. Фрагмент А, как уже говорилось, не отделим от описания половецкого нашествия 1093 г., и, как и он, явно написан по горячим следам событий. В свою очередь, построение фрагмента В находит ближайшие соответствия в этно-географическом введении, которое, в его известном нам виде, есть все основания считать появившимся на этапе составления ПВЛ. Особенно примечательно упоминание в этом фрагменте «хвалисов и болгар», выступающих в том же сочетании в описании пути из Варяг в Греки. Аналогичным образом, «югра и самоедь» в рассказе Гюряты еще раз появляются в рассказах ладожан, приводимых летописцем в статье 1114 г. и, очевидно, также включенных в редакцию ПВЛ 1117 г.; примечательно, что во введении к ПВЛ эта связка отсутствует. Общим для Введения и генеалогического экскурса статьи 1096 г. является также довольно спокойное, можно сказать, заинтересованное отношение к половцам, которое Д. А. Добровольский справедливо считает свойственным составителю ПВЛ, противопоставляя его однозначно негативному восприятию «сынов Измаиловых» летописцем 1090-х гг. (продолжателем Начального свода) [Добровольский 2013: 286–294].

Литература

Алешковский М. Х. Повесть временных лет. Судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1971.

Берлински сборник / Изд. подг. Х. Миклас, Л. Тасева, М. Йовчева. София; Wien, 2008.

Ведюшкина И. В. Генеалогии «нечистых» народов в Повести временных лет // Восточная Европа в Древности и Средневековье. Историческая память и формы ее воплощения. XII чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. М., 2000. С. 53–58.

Гарькавий И. В. «Измаильтяне» или «нечистые люди»? Некоторые наблюдения над семантикой русских летописей // Историческая антропология: Место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Москва, 4–6 февраля 1998. М., 1998. С. 87–89.

Гиппиус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. Вып. 6 [16]. СПб., 1997.

Гиппиус А. А. К проблеме редакций Повести временных лет // Славяноведение. 2007. № 5. С. 20–44; 2008. № 2. С. 3–24.

Данилевский И. Н. «Сии 4 лѣта»: когда они наступили? // Ruthenica. 2010. № 9. С. 7–17.

Добровольский Д. А. Восприятие половцев в летописании XI–XIII вв. // Диалог со временем. 2012. М., 2013. № 39. С. 286–294.

Дорошенко М. Ю. Ветхозаветная топонимика в статье 6604 (1096) года Повести временных лет // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 18. М., 2007. С. 370–382/

Дубровин Г. Е. Петрятин двор и проблема раннего посадничества в Новгороде // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2007. № 1. С. 45–59.

Истрин В. М. Замечания о начале русского летописания: (по поводу исследований А. А. Шахматова в области древнерусской летописи) // Известия ОРЯС. Т. 26. 1923. С. 45–102. 1924. Т. 27. С. 207–251.

Истрин В. М. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические Видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах. М., 1897.

Карпов А. Ю. Генеалогия хвалисов и болгар в летописной статье 1096 г. // Архив русской истории. Вып. 4. М., 1994. С. 7–26/

Карпов А. Ю. Эсхатологические ожидания в Киевской Руси конца XI — начала XII в. // Отечественная история. 2002. № 2.

Котышев Д. М. Царь Михаил и Михаил-архангел летописной статьи 6619 г. Повести временных лет // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2012. № 1. С. 47–51.

Лаушкин А. В. Наследники праотца Измаила и библейская мозаика в летописных известиях о половцах // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2013. № 4. С. 76–86.

Молчанов А. А. Новгородские события 1054–1064 гг. и возникновение посадничества нового типа // Вестник МГУ. История. 1974. № 6. С. 81–87.

Николова С. Патеричните разкази в българската средновековна литература. София, 1980.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.–Л., 1950. ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб., 1908.

СДРЯ XI–XIV — Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. 8. М., 2008.

Творогов О. В. Существовала ли третья редакция «Повести временных лет»? // In memoriam: Сборник памяти Я. С. Лурье. СПб., 1997. С. 203–209.

Толочко А. П. «Слышахомъ преже треи лѣтъ» // Ruthenica. 2011. № 10.

Тъпкова-Заимова В., Милтенова А. Историко-апокалиптичната

книжнина в Византия и в средновековна България. София, 1986.

Шахматов А. А. История русского летописания. Т. 1: Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 2: Раннее русское летописание XI–XII вв. СПб., 2003.

Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 2003.

Miklosich F. Lexicon paleoslovenico-graeco-latinum. Emendatum auctum. 2 Neudruck der Ausgabe Wien 1862–65 (Aalen, 1972)

Müller L. Die «dritte Redaktion» der sogenannten Nestorchronik // Festschrift für Margarete Woltner zum 70. Geburtstag. Heidelberg, 1967. S. 171–186.

Müller L. Die Herkunft des Textes der Erzählung über Boris und Gleb im Chronikartikel über das Jahr 6523 (1015) // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2008. № 3 (33). S. 86–99.

Timberlake A. Redactions of the Primary Chronicle // Русский язык в научном освещении. 2000. №1. С. 219–238.

Вилкул Татьяна Леонидовна

Институт истории

Национальной академии наук Украины

Украина, г. Киев

Ремесло историка в «Повести временных лет».

О влиянии переводных византийских хроник на летопись

Влияние хронографических сочинений на ПВЛ проявилось не только в прямых цитатах, парафразах и сюжетных заимствованиях, оно затронуло сам процесс историописания и понимания древним книжником принципов составления летописи. Современные ученые могли бы сказать — теории и методики работы историка. Благодаря тому, что ПВЛ является Начальной летописью (the Primary Chronicle) в ней явственно обозначилось то, что сгладилось в последующих сводах. Автор ПВЛ считал необходимым пояснить читателю, как ведутся записи, от какого события отсчитывается первая годовая статья. Он проявил критическое начало: обозначил, что одним источникам доверяет, а к другим относится скептически. Не сказать, чтобы киевский книжник останавливался на этих пунктах подробно, но он время от времени отмечал свои подходы и, в целом, показал себя эдаким «теоретиком» среди ле-